

# Куда ж нам плыть?

**М**не выпала честь быть председателем этого союза в первые десять лет существования в новом качестве — не ВТО, а именно СТД. Эти десять лет совпали с годами новой жизни нашей России. Быстро, очень быстро пролетели эти годы. Годы, полные удач и ошибок, широких дорог и неизбежных тупиков. У меня сейчас и хорошо на душе, и грустно. Хорошо, что удалось довести наш союзный корабль до сегодняшнего дня и не разбить его о рифы (сколько их было!). Грустно, потому, что эти десять лет пролетели, как сон. И где они, эти годы? На какие дела пошли?..

Не мне оценивать, как работал наш союз, как работал его председатель. Одно могу сказать твердо: мы сделали то, что полагали самым важным. Мы не развалили и не растащили наш союз в те годы, когда трещало, растаскивалось и разваливалось все. Союз остался жив тогда, когда рухнули наше государство и тот порядок жизни, который многих из нас воспитал, поставил наш голос и дыхание, сформировал наши мозги. Как там у Александра Сергеевича: "Нас было много на челне". И вот остались после той бури, выгребли, чудом уцелели. И потому сегодня хочется не отчитываться, а поговорить со своими друзьями и коллегами о том, как мы прожили эти годы и — что еще важнее — как же нашему кораблю плыть дальше.

Что произошло за эти годы с российским театром? Без какого-то пусть предварительного ответа на этот главный вопрос невозможно определить и задачи нашего театрального сообщества.

Прежде всего давайте оценим главное. Вот уже десять лет мы живем в мире свободы. Свободы, неслыханной на Руси, может быть, за все годы существования нашего государства. Мы забыли,

что такое утверждение репертуара, мы забыли, что такое "сдача спектакля" в пустом зале для трех-четырёх чиновников, мы забыли, что такое цензура... Поэтому стоит говорить сегодня о том, как мы воспользовались ситуацией свободы и что с ней, с этой свободой, сотворили.

Первый парадокс свободы заключен в том, что театр наш потерял свой прежний социальный и духовный статус. Наш театр наперекор всему в прежние годы был больше, чем театр. Он, по сути, замещал многие другие важнейшие институты: и университетскую кафедру, и возможность митинга, и даже — в высших своих проявлениях — церковь, призванную духовно единить народ. Теперь ничего не надо замещать. Митинги, церковные обряды, проповеди крушат наши головы с утра до вечера. Жизнь политизировалась и театризовалась, отобрав у театра многие его прежние функции. Насквозь идеологизированный театр становится на наших глазах и при нашем содействии просто театром. То есть местом, куда люди приходят развлекаться, или, как некоторые любят говорить, "отдохнуть". Публика, та самая публика, что, по словам Пушкина, "образует драматические таланты", изменилась. Люди заняты выживанием, и они приходят в театр с другими ожиданиями. Мы окликаем друг друга, пытаемся определить, где же сегодня болевой порог, что люди хотят, а что не хотят смотреть. Взгляните на репертуар театров России последних лет. Как быстро исчез, растворился без остатка наш политический или публицистический театр первых лет свободы. Накричались мы очень быстро. Сыграли все "серебряные свадьбы", наговорились досыта, присягнули "диктатуре совести" на сцене, а в жизни как-то быстро и незаметно от нее, от этой диктатуры, избавились.

*Куштыра. - 1996. - 26 стр. - с. 1.*



атры, всем перейти на систему Трушкина. Но к кому мы хотим обращаться? К какой публике? Похорошим идею «художественно-общедоступного»? Скажем всем нашим крупным театрам так, как Яша говорит Фирсу в «Вишневом саде»: «Чтобы ты быстрее подожди, старик»!

Пока одни зарабатывали любой ценой, другие стали устраивать новые отношения с властью. Еще один вид театральной коммерции. Пособка тут была такая — новая для России: власть, мол, у нас теперь небывало прогрессивная, мы ей должны помочь, а она уж нас не оставит. Мы забыли старую еще с греческих времен мудрость, приписываемую ученику Сократа...

атры некоторых наших национальных республик. Но, к сожалению, такое положение в последнее время становится скорее исключением, чем правилом. Все чаще и чаще к нам в союз приходит сообщения много рода: — пять месяцев сидим без зарплаты, за неуплату отключены телефоны; — не получили отпускные, вынуждены вернуть даже льготные путевки — знаем, что союз мог бы подождать, но людям нечем платить даже за дорогу.

В такой катастрофической ситуации сегодня живут и работают наши коллеги в Иванове и Чите, Костроме и Бурятии, Пскове и Адигее, Благовещенске, Чувашии и даже в Санкт-Петербурге. И адреса этого бедствия множатся.

Как это ни парадоксально, наиболее трудно сейчас приходится театрам республиканского федерального значения. Они в полной мере познали скудость нашего общего кошелька, истощенной чеченской кампании, избирательными ирами и другими неизбежными напастями. До культуры как не было дела, так и нет.

Ясно как белей день, что положение это стало хроническим. Приходится здесь, на съезде театральных деятелей России, сказать нашему правительству и самим себе, что в таком виде, в каком сейчас существует театральная система страны, она долго существовать не может. Призыв нашего министра культуры на пороге нынешнего сезона начать умеренную коммерческую деятельность в меня лично вызывает сильное сожаление. Во-первых, что значит «умеренная» коммерция? Это что-то вроде как «немножко забеременеть». А мы уже этой коммерцией в самых дурных ее формах болели. Многие столичные театры в поисках средств к существованию превратились в ночные клубы, где гуляют наши новые русские. Приходилось видеть, как ночные гости наших театров садят при входе оружие: вот с такой «вешалки» начинается ныне театр. Сначала открыли рестораны при театрах, а теперь уже театры существуют при ресторанах и казино. И это чудовищно обесценило искусство, сейчас самым основным русскою сцены, самой идее русского театра...

# Куда ж нам плыть?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Ушли из жизни крупнейшие лидеры того явления, которое называли русским советским театром. Мы живем в мире без Георгия Товстоногова и Анатолия Фролова. Мы живем в мире без Иннокентия Смоктуновского, Евгения Евстигнеева, Евгения Леонова, Олега Борисова, Владимира Стрельникова. Вечная им память.



Партер и кресла — все кинут

Театры стали зарабатывать по очень разным способам. Появились откровенно коммерческие продюсерские структуры, преследующие цели наживы: на имени актера, на спекулятивной теме, на возможности бесцензурного эпатажа. Все, что мог заглотившись, заголотился. Все слова живого великорусского языка, которые никогда не звучали на нашей сцене, прозвучали, как говорится, во всю глотку. Такого рода новизна очень быстро устареет, перестала удивлять. Кажется, сама основа русской культуры, которую еще в начале века замечательный философ определил как «стыдливую», сопротивлялась нашей разрешенной наглости. Мы испробовали все измы, дали высказаться на сцене всем меньшинствам — в том числе сексуальным. Мы освоили все пласты мировой культуры, мы открылись для мира и для своего собственного прошлого, но при всем при этом главный вопрос не только не притупился, но звучит все с большей и большей остротой. Это вопрос о предназначении русского театра, о его идеальных постулатах, заветных на наших основах. Идея театра-драмы, идея служения, идея бескомпромиссной художественной честности — это все надо теперь отбросить как злато, не имеющее никакой цены? Это не вопрос словесных баталий. Если хотите, это вопрос нашего внутреннего устройства, нашей новой «жизни в искусстве», которую мы как-то ко-собое стали складывать.

Эту мысль хочу особо подчеркнуть, потому что в последние время, прямо перед нашим съездом, в печати развернувшись дискуссия о том, что происходит с российским театром. Наши коллеги критики, и некоторые режиссеры, чаще всего молодые и поэтому не обремененные особой памятью, стали недоумевать и ориентироваться: что же театры стали бастовать и требовать денег, не стыдно ли это? С проткнутой душой ходят, мол, только те, кто не умеет ставить шлагерные спектакли. Вот поставь, как Леонид Трушкин или Григорий Гурвич, и будешь реформатором русской сцены. Ни Трушкин, ни Гурвич, как говорится, ни в чем не виноваты. Они, как и многие другие, занимаются коммерческим театром, которым занимаются везде в мире, и там свои правила, хорошо известные. Я о другом театре и о другой жизни. Какие бы цены мы ни назначали на билеты, Большой театр, МХАТ или Малый, или любой иной крупный стационарный театр, живущий по законам театрального дома, не может себя прокормить. Это аксиома, которая известна каждому мало-мальски грамотному театралному человеку. То, что сегодня происходит, это удушение экономическими средствами той модели театра, который порожден не советской властью, а именно Станиславским и Немировичем-Данченко. Коммерческий театр от нас независим и в нашей поддержке не нуждается. Театр-дом нуждается в поддержке общества, государства. Может быть, уже очень старомодный человек мне точно становится, когда театр трубит во все трубы, что он поставил самый дорогой спектакль в Москве, мне тошно, когда в пример ставят другой театр, требующий от зрителя 250 тысяч за билет, а в то время как половина работников любого театра получают такие деньги за месяц ежедневного труда. Можно, конечно, закрыть наши крупные те-

архив имен можно назвать в музыкальном театре: Валерий Гергиев, Борис Якифман, Александр Тител, Дмитрий Брандес, Кирилл Стрельнев, Евгений Бражнюк и другие.

Невозможно назвать всех, кто вносит сегодня лепту в сохранение и развитие отечественного театра. И пусть прости меня коллеги за то, что сегодня я вынужден говорить о другом.

Для чего мы живем, и за какой счет мы теперь выживаем? Что представляет теперь, на втором десятке новой жизни, наша театральная система, об усовершенствовании которой мы столько лет говорили? Кое-что изменилось. Огромную роль в театральном деле стали играть наши крупные и средние города, которые, получив свободу, не отвернулись от театров, а наоборот, взяли их на свой кош. Такого рода децентрализация — важный поворотный момент в театральной политике России.

И смотрите, как развернулись некоторые наши города. В Новосибирске и «Красный факел» не заглохли, и новые театры под-

держивают, и фестивали проводят. Как по-хозяйски поставили дело в Перми, где опята-таки забываются и о знаменитом оперном театре, и о новом частном театре Евгения Панфилова. Или Челябинск: стабильность репертура, его уровень в театре имени Шамшурдина — с одной стороны, а с другой — «Манекен», который из прекрасных книг, помогал нашим театральным журналистам. Мы пошлы дальше: стали выдавать пособия нашим пенсионерам, затели больше строительство, обновили корпус наших домов творчества, начали строительство новых. Мы построили одну из лучших в Москве поликлиник, начали строительство нового дома ветеранов сцены. Строим те-

Возвращаясь к теме коммерции, дотаций и государственной поддержки, я бы хотел сказать одну простую вещь. Как и в других делах, тут должна быть какая-то государственная стратегия. Не можете поманять шестистам театрам (это ни одно государство, даже богатое, сделать не в состоянии) — признайте это. На государственное содержание возьмите столько, сколько стране или тому или иному городу сейчас по силам. Как ни горько, но мы в театрах должны понять, что содержат наши распухшие и малоправяемые труппы в том виде, в каком они существуют сейчас, — это дискредитировать саму идею русского репертурного театра. Искусство обычно, оно требует поддержки, но изживденческая театральная психология, которую мы до сих пор верны, абсолютно истощала себя. У нее нет ни малейшей перспективы. Как ни страшно, это должен понять союз, как ни печально, должны понять театры: это должно осознавать и претворить в жизнь Министерство культуры, которое стало по существу передаточным пунктом между театрами и финансовым ведомством. Пришла пора решать, с кем Министерство культуры желает заключить договор, а с кем нет, кто может управлять театром, а кто не может. Нельзя быть господами, всем и всегда говорящими «да». И это не только дело министерства, но и нашего союза. В текущие беспрерывного финансового кризиса мы тоже перестали слышать пульс театральной жизни. Никакой театральной стратегии нет, и к чему это приводит — всем известно. Театральная система, как она сложилась при прежней власти, оказалась в последние годы не тронутой. Поворотили, покричали — и оставили все, как было, только в гораздо более тяжелой форме.

Вот с этой точки зрения — с точки зрения будущего российской сцены — давайте и посмотрим на наш союз. Вспомним, существовало Всероссийское театральное общество, преимущество которого стал СТД, ВТО жило на средства, которые давали обществу наши предприятия, освободившие от налогов. Эти ресурсы позволили ВТО превратиться в своего рода духовный оазис. Мы выжили отчасти и потому, что имели возможность общаться и говорить друг с другом, в том числе и в нашем знаменитом Доме актера. Мы часто видели спектакли друг друга, театры гастролировали по всей стране, и эта река не иссыхала ни на один сезон.

В первые годы свободы, когда нас еще не обложжило со всех сторон, союз не только продолжил, но и приумножил то, что делало ВТО. Еще несколько лет мы сохранили наши творческие лаборатории, продолжили выпускать прекрасные книги, помогли нашим театральным журналистам. Мы пошлы дальше: стали выдавать пособия нашим пенсионерам, затели больше строительство, обновили корпус наших домов творчества, начали строительство новых. Мы построили одну из лучших в Москве поликлиник, начали строительство нового дома ветеранов сцены. Строим те-

Только те, кто занимался в искусством, кто ответил на все перемены нашей жизни так как может ответить художник. В Москве, Питере, Челябинске, Ростове-на-Дону, Ульяновске, Воронеже, Илгиче — по всей России, слава тебе Господи, не перевелись люди, которые не словоговорением, а ремеслом своим продолжают поддерживать репутацию российской сцены. Еще токует артистка Кручинина в «Без вины виноватых», еще «плачет Иеремия», еще рещет Раскольников свои мучительные вопросы на сцене Петербургского театра. Еще полны многие наши залы, еще не развалились наши театры — и это, несмотря на хроническое безденежье и нужду.

Я хочу назвать фамилии наших лидеров. Через все сложности провели свои театры старейшие театральное цеха, не изменив ни себе, ни лучшим традициям театры — Валентин Плукеч, Андрей Гончаров, Олег Ефремов, Борис Покровский. Не перестают удивлять и радовать нас своей творческой фантазией Марк За-

## На III съезде СТД

главных вопросов союза.

«А что же вы-то сделали? — невольно возникает такой вопрос. — Как много остается не решенных вами проблем? Да, много! Но их было бы еще больше, не види союз отчаянную борьбу за выживание. Вот этим мы и занимались. Теперь настало время решать — какой шаг следующий?»

Оглядываясь назад, на 120-летнюю историю нашего братства, можно увидеть несколько путей. В 1904 году, в кризисной предреволюционной ситуации Русское театральное общество решило броситься под державное крыло. Обратились к Николаю Второму, и тот всемогуществом и на какое-то время сохранилось. В сущности, императорским оно было и при советской власти, если вспомнить все те государственные блага и экономические послабления, которые нам давали.

А теперь куда нам броситься? В ноги к Президенту? Президентское Русское театральное общество? Красиво звучит, но не поможет. У нас целый список так называемых объектов национального значения, и все они владчат жалкое существование. Спросите у Малого театра или у чеховского МХАТ, и вы поймете, что через казну нам не спастись.

Значит, надо выживать самим. Некоторые наши предложения по выживанию, а также предложения наших организаций сформулированы были в ходе подготовки к съезду. Суть их, кратко говоря, в следующем. Мы можем отдать нашу собственность в управление тем, кто умеет этим заниматься более эффективно, а мы будем, как говорится, распределять доход, что мы умели делать десятилетиями. Социальная и творческая деятельность союза должна быть обеспечена материально. Надо жить по средствам. Сохранить поликлинику, больницу, библиотеку, печатные издания, юридическую службу — это то, что является основой жизнеобеспечения нашей организации. Союз должен обеспечивать эти структуры централизованно, потому что их нельзя потерять. Все остальное — предмет обсуждения. Если наши здравницы стали приносить такие убытки, то не лучше ли избавиться от них, или от какой-то части этих здравниц, и просто доплачивать нашим людям в период отпусков. Надо ввести строжайший режим экономии. Если стало неподъемно собирать правление союза, то надо сократить этот неэффективный орган и оставить вместо него Совет председателей местных наших организаций. То же самое с секретариатом — зачем нам нужно 40 человек в секретариате, если добрая половина из них вообще не являются на наши заседания? Нужен очень небольшой и мобильный орган управления союзом — назначайте его секретариатом или как-то иначе. Нужны штатные, а

не выборные заместители председателя союза: опытный человек, что заместитель председателя союза должен быть легче смещаемым и назначаемым, чем это было до сих пор. Он должен быть на контракте с союзом.

И, наконец, последнее, так сказать, личное. Десять лет назад я был в Венеции на съезде СТД, когда меня настигла срочная телеграмма и вызов в Москву. Шел очередной съезд ВТО, который стал внеочередным и реформировал Всероссийское театральное общество в Союз театральных деятелей. Как я уже сказал ранее, мне выпала честь руководить союзом в первые десять лет его существования. Я, конечно, был не один. Рядом со мной были люди, с которыми мы работали плечо к плечу, голова к голове. Много было хорошего, много было тяжелого, трудного. Начиная дело, мы сами тогда заняты себе исторический лимит нашей власти: не более двух сроков, то есть десяти лет. И вот они закончились. Я не могу уйти с этой трибуны, но благодарив тех, с кем я работал эти годы. Я хочу поблагодарить не только секретариат союза и его центральный аппарат. Я с благодарностью думаю о той группе людей, которые обеспечили выживание союза во всей России — от Петербурга до Владивостока. Клянюсь, я буду делиться теми, кого мы избираем сегодня. Будем верить, что театральное общество, родившееся 120 лет назад, найдет свой путь и сохранится для людей русского, российского театра, которую оно всегда было призвано служить.

## Неоконченная пьеса для российского Союза

Наталья КАМИНСКАЯ

21 октября в 10.00 в зале Российской академического Молодежного театра открылся III (XVII) съезд СТД РФ. Председатель Михаил Ульянов, приветствуя делегатов, сообщил, что прибыли представители всех региональных отделений за исключением Чечни и Ингушетии, где по известным причинам не смогли провести процедуру избрания делегатов. С особым в нынешних условиях удовлетствием съезд приветствовал многочисленных гостей из суверенных государств: Л.Танюка (Украина), А.Мамбетова (Казakhstan), Е.Казанчана и А.Григорьяна (Армения) и А.Дударева (Белоруссия).

Почти все собрание своим присутствием и два высших должностных лица: советник Президента С.Красавченко и первый заместитель министра культуры К.Шабанов. Приветствия на съезд прислали: А.Баташов (Союз литераторов России), С.Говорухин (Комитет по культуре Госдумы) и мэр Москвы Ю.Лужков. Как нетрудно догадаться, мажорные интонации были на нынешнем собрании столь же редки, сколь зеленые листья на октябрьских деревьях. В полном соответствии с триумфом «циплет» по олеи с читают доклад о финансовой деятельности союза, сделанный директором Театрального центра М.Маковским, не вызвал и делегатов восторга. Но, впрочем, и скандала тоже не наблюдалось. Сведения о поликлинике, здравницах, домах ветеранов сцены, о том, что все это еще функционирует и даже местами оживает, но — накладно, а денег взять неоткуда, никого не удивили. Положение «аховое», работа

вину прежнему руководству союза бедственное состояние журнала «Театр» и уникальной Центральной научной библиотеки СТД — в помещении последней проваливаются полы и до сих пор нет компьютеров, в то время как аппарат СТД оснащен современным оборудованием. А критик М.Дмитревская обратилась к съезду с просьбой поддержать гибнущий «Санкт-Петербургский театральный журнал».

Однако деловые ноты тонили в какофонии случайных, мало относящихся к делу речей. То артист С.Прохоров, руководитель театра «Луны», сетовал на отсутствие в театрах туалетной бумаги и призывал новоизбранного председателя об этом подумать. То Вл.Рецептер, руководитель Пушкинского центра в Санкт-Петербурге, просил всех поставить произведение поэта, чтобы нестыдно было смотреть в глаза Александру Сергеевичу. То артист Самарского театра драмы О.Свиридов жаловался, что к ним пришел плохой художественный руководитель. В такой разногласие съезд вступил во второй день — судьбоносный день выборов. В кулуарах к тому времени вполне естественно созрела идея уговорить М.Ульянова остаться на посту еще на один срок. Увы, Михаил Александрович снял свою кандидатуру.



Мы — актеры, наше место — в буфете

Из выдвинутых съездом остались: Ю.Соломин, Г.Тараторкин, А.Калигин и директор Дома актера М.Эскин. В этот момент прозвучала еще одна конструктивная мысль, на этот раз из уст артиста Е.Лазарева, который предложил кандидатам изложить свои программы. И опять ничего из этого не вышло. Что естественно — программы надо обдумывать и готовить заранее, а артисты, понятное дело, сильны больше по части эмоций.

Впрочем, А.Калигин все же попытался сформулировать курс на сохранение и приумножение имущества союза. На том и разошлись, дабы исполнить акт тайного голосования. Поздним вечером были оглашены окончательные итоги. Съезд решил обратиться в Генпрокуратуру РФ с просьбой принять меры по факту нарушения Закона о культуре при принятии Закона о бюджете на 1996 год. Речь идет о снижении объема финансирования на 0,3% против положенных 2%. Решено направить резолюцию съезда и в Правительство РФ. Съезд выразил намерение разработать и принять федеральный закон «О театре», а также ускорить принятие закона «О статусе творческих работников и творческих союзов» с целью правовой защиты российских театров.

Внесено изменение в устав союза: введена должность первого секретаря. Председателем СТД на новый срок избран А.Калигин, первым секретарем — Г.Тараторкин. Своей речью в новом качестве А.Калигин начал с благодарности М.Ульянову. При бурных овациях и вставании зала Михаил Александрович был избран почетным председателем.

Итак, III (XVII) съезд театральных деятелей России закончил свою работу, с трудом затиснувшись в два дня, ибо на большее количество времени не хватило средств. Театральное братство в который уже раз, к счастью, не распалось. Для многих актеров и режиссеров провинции это была единственная за последние годы возможность увидеть своих коллег. Хотелось бы им поглядеть и на больших культурных начиников. Но те, за редким исключением, блеснули своим отсутствием. Обозначая на этот раз съезд и без ставших почти обязательными президентских и правительственных приветствий. Причина, в общем-то, понятна. Вопросы стали бы задавать про деньги, а отвечать особенно нечего, а посылать приветствия вместо денег и вовсе неудобно.

Позтому одно из главных ощущений, возникших на съезде, — растерянность людей театра от бедствий, свалившихся на культуру, и отсутствие плодотворной идейной идеи в отношении будущей деятельности союза.

Наталья Каминская (О. Басилавиčius)